

Размышленья на mine

Самая первая моя поездка в пионерский лагерь была сразу в третий отряд, в корпус что стоит несколько на отшибе прямо у забора, за которым лес. Помню, мальчишки в отряде шушукались, но сразу по прибытии почти у ступеней корпуса начали вести раскопки. Каково же было мое удивление, когда на поверхность земли начали извлекать самые настоящие гильзы, и не по одной штуке, а пригоршнями.

Память о минувшей войне в лагере она была повсюду!

Обычная пионерская комната, что пристроилась рядом со столовой и библиотекой, только на первый взгляд была обычной верандой с барабанами, горнами под знаменем пионерской дружины и голубым флагом лагеря. Темно-красная скатерть на длинном столе для заседаний актива Совета дружины, была свидетелем еще первых пионеров, приехавших в лагерь со дня его открытия. Со шторами в клубе она была даже не родственница. Они были близнецами от одного рулона. Да и через пятнадцать лет, когда я уже распрощался с лагерем и ушел во взрослую жизнь, она оставалась все той же с набивным рисунком и чернильными пятнами. Комната как комната, но вот перед ней на небольшой терраске, имеющей общий выход к каменной скульптуре А.С.Пушкина, словно в фильме про Мальчиша-Кибальчиша,

ровными рядами по периметру стояли артиллерийские снаряды Великой Отечественной калибра от 100 и аж, свыше 220 мм! Да и мы себя ощущали такими же мальчишами сорвиголовами, которым все по плечу и ни кто не страшен!

Старшие ребята втихомолку наклоняли стальные головы и с тыльной стороны на бумажку ковыряли коричневый порошок, который при поджигании смешно вспыхивал. Убрали их, когда я уже был в первом отряде, как - то сразу. Приехали, а их нет. Кто-то может и не заметил, а мне стало грустно. Что-то потерялось в имидже, в атмосфере, в той гайдаровской сказке, которая для нас и сказкой-то не была. Мы все в любой момент готовы были также пойти на бой с буржуинами и биться до последней капли крови. А сказ про Кибальчиша был для нас руководством к действию.

Собственно, эхо войны было не угасающим звуком, но частью нашей сути, незаметным акцентом в наших мыслях, дополнительным пиком кардиограммы в ударах нашего сердца, ориентиром в системах отношений «хорошо-плохо» и «свой-чужой». Поэтому в войнушках всегда были «наши» и «фашисты». И как бы впоследствии в военной игре «Зарница» не именовали противостоящие стороны «красные» и «синие», но мы всегда были «наши», а все прочие «фашисты».

Ляля Черная вел негласное соревнование со своим приятелем фотографом, кто больше засушит грибов за сезон. Старенькие желтые обогреватели горели круглосуточно, обвязанные проволокой в виде сеточек для сушки гриба, одновременно выполняя роль ароматизаторов воздуха. Стойкий грибной дух стоял как приклеенный над ДТТ, с той лишь разницей, что со стороны фотокружка он имел легкий флер фиксажа и закрепителя, а со стороны авиааракетного кружка, запах «эмалита» и «горючки» смеси эфира, керосина и касторового масла.

Сегодня младшие отряды до обеда отправлялись в лес, поэтому, проявляя незаурядные коммерческие наклонности, Ляля планировал организовать среди них соревнование по сбору грибов. А поскольку маленьким детям грибы ни к чему, то они очень даже

пригодятся кружководу. Отряды уже ушли, и Сергей торопился догнать их возле костровой поляны.

Как он и предполагал, отряды шли в березовую рощу известное грибное место, где в молодняке были грибные места белых, маслят и подосиновых. Резанув через малую костровую, он появился на поляне, когда первые из наиболее резвых детишек только пришли, а основные силы еще топали меж вековых сосен со стороны лагеря, оскальзываясь на тропе, по которой проехала санитарная машина, оставив в глинистом грунте следы пробуксовки, заполненные дождевой водой.

Вот отсюда Ляля хотел начать грибную охоту, расставив детишек цепью и двинув ее через ручей в сторону благодатных грибных мест березовой рощи.

— А ну, ребята! — в позе полководца, гарцующего на белом коне перед войском, зычным голосом начал Ляля — Слушай боевую задачу! Противник на пути к березовой роще расставил мины, замаскировав их под грибы. Собираем все, кроме мухоморов и поганок. Собравшие наибольшее количество белых будут отмечены благодарностью!

Девчонки-вожатые улыбались тому, как ловко этот кружковод сумел два отряда организовать и занять нужным делом на несколько часов. У них тоже образовывался удобный случай поваляться на одеяле на изумрудной травке, полистать давно заброшенную книжицу или поковыряться с популярным в этом сезоне макраме.

Отряды ринулись в лес, громко перекрикиваясь между собой и поднимая неимоверный шум и треск там, где только недавно лишь ветер шумел в верхушках елей, да молодые листочки шуршали на тоненьких ветках берез.

Почти сразу же раздался радостный крик:

— Ой, гриб!

И следом:

— И у меня! И у меня...

Возбужденный Ляля не успевал бегать вдоль ручья по кустарнику, принимая подберезовики, подосиновые, и вот, красавец, белый!

— И у меня гриб! — закричала смешная девчонка, подняв над головой крепкий боровик с ровной и красивой шляпкой.

— Ты моя прелесть! — отозвался Ляля, и рванул навстречу своему счастью...

Но девочка, видимо хотела показать свою добычу подруге и развернувшись сделала несколько шагов в сторону.

— Стой! Стой! Стой! — запричитал Сергей, проскальзывая на мокрой траве и глинистых кочках вдоль ручья. Не хотелось мочить ноги, и он прыгнул на такую удобную кочку.

«Квак!» — то ли чпокнула сырой глиной кочка, то ли щелкнул взрыватель, но глина под ногой осыпалась, обнажив ржавый металл стабилизаторов минометного снаряда. Замерев, Сергей посмотрел вниз. Сомнений не оставалось — это была немецкая мина времен войны. Уйдя во влажную почву на треть, она много лет пролежала у воды, где так часто и много гуляли дети, где все было хожено-перехожено. И ни один пионер, ни один грибник ее не увидел. А вот Сергей нашел, точнее, наступил.

По службе в армии Сергей знал, что взрыватель нажимного действия сначала взводится, а при отпускании срабатывает, неся разрушительную силу огня и металлических осколков всему окружающему в радиусе нескольких метров.

Когда говорят «спираль времени», подразумевают нечто напоминающее пружину, которая весело скачет, позванивая, то сжимая события, то растягивая их до предельных размеров. Сейчас не то, что спираль, все время сложилось в одну короткую мысль, в которой уместились детские воспоминания, папа с мамой, проказы в школе, армия и...

Он посмотрел вверх. «Интересно, на какой из елок будут висеть мои останки?» — подумал он оптимистично. Но тут мысль закончилась, и ей на смену пришел крик: «Стой! Всем отрядам собраться у своих вожатых. Вожатым немедленно увести детей в лагерь!»

На просеке появилась сонная вожатая, которую тащили за руки дети.

— Опять чудишь, Сереж? — издали крикнула она.

— Собирай детей и марш в лагерь! Здесь мины! — почти шепотом отозвался кружковод.

Дважды повторять не имело смысла. Уже через пару минут удаляющиеся детские голоса медленно растворились за вековыми елками там, где хрипатый лагерный динамик терзали своими объявлениями неумные пионеры.

Самое страшное сделать первый шаг. Либо заржавевшая железка, утонувшая во влажной глинистой почве, совсем потеряла свои боевые качества.... Ну хоть не совсем, пусть хоть на 4-5 секунд, чтобы отскочить за ближайший бугорок и уберечься! Либо все закончится мгновенно вознесением на небеса.

Судьба подарила ему шанс на три шага. Плехнувшись всем телом и закрыв голову руками, он не услышал взрыва, но все равно, лежал лицом в землю, слушая свое сердце, которое колотилось с частотой работающего пулемета Максим.

Через несколько минут он встал, отряхнулся и медленно приблизился к неожиданному подарку. Сомнений не было это была мина. Ее бурые стабилизаторы изъеденные ржавчиной явственно торчали, освободившись от глины.

Поставив над ней шалашик из веток, Сергей побежал в лагерь.

Старший вожатый и начальник долго дозванивались в ближайшую воинскую часть:

— Алло! Это, саперы? У нас тут кружковод на мине стоит... Что делать? — Хрипящий и булькающий телефон долго раскачивался, изрыгая многообразие звуков, пока из трубки не прозвучало:

— Обнесите место яркой лентой или веревкой с флажками, что бы к нему ни кто не приближался, и дожидаетесь саперов.

— Да вы что, в своем уме, человек стоит на мине в ста метрах от пионерского лагеря! А если рванет? — кричал начальник в трубу.

— А вы что хотите, что бы я на его место встал? — поинтересовалась трубка.

— Не надо, я уже сам пришел! — выдохнул из себя кружковод, вваливаясь в комнату начальника.

— Живой! Ну, Ляля, знал я, что ты мастер из проблем выкручиваться, но вот что бы с мины соскочить и живым остаться.... Ну, знаешь! — устало промолвил начальник, швырнув на место черную трубку бесполезного телефона со скрученным шлангом спутавшегося провода.

Оставлять мину в непосредственной близости от лагеря было нельзя. Часа три в авиааракетном кружке пилили магний, сыпали марганцовку, и, вообще, занимались какой-то алхимией.

Художник лагеря рассказывал, как на спор чугунные слесарные тиски искромсал в пыль драчевым напильником за рабочую смену (6 часов). И теперь ему пришлось доказывать свои таланты, добывая такую же пыль из слитка магния, привезенного кем-то из пионеров. Магний не чугун — напильник быстро забивался, и приходилось его очищать. Решение нашли быстро просто положили дюжину (12) напильников, которые тот менял по необходимости, а использованные в это время очищали металлической щеткой. У кого-то из пионеров реквизировали жестяную квадратную коробочку из-под зубного порошка милую голубую шкатулочку с надписью «Особый», куда и сложили результаты тяжелых трудов обильно политых потом. На всякий случай сделали и дубликат. Он был не такой симпатичный, но не меньшей мощности. Как теперь говорят, подражая голливудским фильмам, для плана «Б».

Погрузив на тележку из столовой аккумулятор с пожарной машины, электрический провод, запалы, топор и лопату, кружковод, старший вожатый и художник отправились в лес.

До лагеря было недалеко, поэтому мину извлекли из глинистой почвы, замотали тряпками, и положили в деревянный ящик из под фруктов, набитый стружкой. По лесным тропам неожиданный подарок войны на тележке где катили, а где и несли, уходя дальше от радостного смеха малышни на бассейне, барабанных дробей в клубе и ржавого голоса лагерного колокольчика: «Повторяю!»

Соединив запалы, провода и аккумуляторную батарею, Сергей осторожно положил голубую баночку с надписью «Особый» под кусок ржавой смерти и скомандовал: «Ложись!»

Старший вожатый уже давно спрятался за земляным бруствером, куда соскользнул и Сергей, и только художник, не желая пачкаться, спрятался за толстым деревом, надеясь на его защиту.

Полянка, на которой все происходило, была окружена со всех сторон тонкими березками и вековыми елями, которые смотрели на подрастающую молодежь сверху вниз, раскачивая своими верхушками, словно неодобрительно судачили о легкомыслии этих чересчур белых, чересчур тонких, чересчур кудрявых. Высокие елки не пускали летний ветерок на полянку, поиграть с зелеными гривами берез, но тот время от времени прорывался, и тогда томный шорох листвы приобретал накатную мощь набегающей волны, словно девчонки-подростки начинали шушукаться, когда в клуб на танцы входил самый красивый мальчик первого отряда или любимый вожатый. Ветерок трепал тонкие ветки с молодыми листочками, словно дергал за косички или развязывал ленты, а потом убегал за ели, которые гудели ему вслед.

Пионерский лагерь вздрогнул. В столовой детского сада зазвенели и посыпались стекла. Казалось, что только после этого пришел хлопок взрыва, гулко всасывающий в себя радостные звуки бьющей через край жизни. Словно Карабас-Барабас щелкнул своим хлыстом и протрубил громовым голосом: «Карамба!»

Жизнь на мгновенье замерла, но в следующий миг, неумный лагерный колокольчик выдал с новой силой искрящуюся своей жаждой жизни: «Sunny!»

Санни, еще вчера моя жизнь

Была наполнена дождями.

Санни, ты улыбнулась мне и облегчила боль.

Сейчас хмурые дни ушли, настали светлые дни.

Только моя Санни светится такой искренностью.

Санни - единственная настоящая, я тебя люблю.

Мало кто знает, что песню «Sunny» написал темнокожий музыкант Бобби Хебб (Bobby Hebb, настоящее имя Robert Von Hebb, 1938 2010) в 1963 как свой протест против депрессии, наступившей после того как в Далласе застрелили президента США

Кеннеди, а через несколько дней убили брата музыканта. Свое несогласие со смертью, свою жажду жить он и вложил в эту песню. Впервые с ней выступила в Японии джазовая певица Мико в 1965 году. С ней он выступал на разогреве группы «Битлз». Песня существовала в самых различных интерпретациях, от кантри до джаза. С ней выступали Стиви Вандер, Элла Фитцджеральд и Том Джонс, Фрэнк Синатра в дуэте с Дюком Эллингтоном, Джеймс Браун, Дастин Спрингфилд, Марвин Гэй и многие другие музыканты. В 1976 году Бобби Хебб перезаписал песню в ритме диско, и она вновь стала хитом.

— Все живы? — спросил старший вожатый, отряхивая с головы елочные иголки, березовую листву и песок, поднимаясь на ноги и расправляя плечи. Из-за спины вышел Сергей:

— Вот это рванула! И не скажешь, что больше тридцати лет в земле пролежала рванула как новенькая! Хороший бы из меня дуршлаг получился вон сколько осколков. Да во все стороны! Хорошо, что удачно залегли!

Появился художник. Не торопясь отделившись от ели, не на много превосходившей его в окружности, он присоединился к команде так же в состоянии эйфорического возбуждения. Обычно, сдерживающий эмоции, он только и выдохнул:

— Вот это да!

И без того свободная не застегнутая рубашка на могучем теле стала как-то еще более свободной. В левой стороне ее зияла внушительных размеров дыра. Бедокур-ветерок запутался в одеждах художника как раз в момент взрыва, распахнув полы рубахи. К счастью, художника осколком не задело.

С тех пор, художник неизменно на шутки в адрес его живота стал отвечать:

— У настоящего мужчины все, что от подбородка до колен все грудь! Я, если захочу, могу втянуть живот так, что позвоночник начнет снаружи выпирать. Вот даже осколки мины рубаху порвали, а живот-то был втянут и не пострадал!